

Пролог

В особняке подавали вечерний чай. Двенадцатилетняя Летиция Энн Мортон — или просто Летти — сидела на краешке обитого алым бархатом стула, старательно выпрямив закованную в корсет спину, и не сводила взгляда с облачённой в чёрный костюм отцовской фигуры в кресле напротив. Девочка так редко видела главу семьи, что сейчас не могла даже на мгновение от него отвернуться. Альд Витториус Мортон её внимания не замечал, продолжая беседу с супругой. Речь шла о чае. Точнее, о том, что связано с торговлей им. Поставки, закупки, финансовые отчёты.

Ужасно скучно.

Так втайне считала Летти, однако отец её мнения не разделял. Он, младший сын в знатной семье, не имел прав на родительское наследство, потому и сколотил свой капитал самостоятельно. Именно на чае, который поставляли из заморских колоний.

Альд Мортон мечтал о наследнике, которому мог бы передать свою чайную империю: склады и лавки, исправно работающие в нескольких городах королевства, а также самую большую его гордость — чайную в одном из аристократических кварталов сто-

лицы, уютное заведение, где подавали чай, выпечку и десерты. В «Чай и сладости» захаживали прогуливающиеся дамы всех возрастов, супружеские пары с детьми и без, молодые девушки в сопровождении компаньонов. Жалобная книга вместо жалоб наполнилась восторгami: так всем нравился вкус чая и подаваемых к нему сладких шедевров в исполнении повара, который никому не выдавал своих профессиональных секретов.

Однако наследника мужского пола у Витториуса Мортонa не имелось. Только дочь, произведя на свет которую, его супруга долго болела и стала бесплодной. Дочь, наречённая Летицией Энн в честь двух её бабушек, чтобы ни одну из них не обидеть.

Дочь, обладающая магическим даром.

Именно ей и предстояло занять место отца, поскольку оставлять всё имущество повесе-племяннику альд Мортон не желал ни при каких обстоятельствах. В его завещании единственной наследницей была названа Летти. Витториус рассчитывал прожить ещё долго, однако уже намеревался потихоньку приучать девочку к её будущему. Да и управляющего с поверенным нанял самых что ни на есть надёжных.

Оставался нерешённым ещё один вопрос: как быть с будущим мужем Летиции Энн? Ведь вокруг неё наверняка будут виться охотники за приданым. Нужно ли отдельно оговорить в завещании её права, чтобы зять не прибрал всё к рукам? Над этим альд Мортон размышлял несколько дней. И наконец решил, что оговорить нужно — Летиция умная девочка, и не следует делать её лишь красивым приложением к супругу.

О чём он жене и сообщил, поставив на стол опустевшую чайную чашку. Разумеется, они пили чай из тех, что продавали в его лавках. Благородный чёрный напиток, терпкий и бодрящий, заботливо и со знанием дела выращенный на далёких плантациях, с добавлением свежей лимонной дольки, но без сахара.

— Как замечательно с твоей стороны позаботиться о том, чтобы наша дочь не зависела от мужа! — воскликнула Елена Мортон.

Летти, услышав, о чём зашла речь, сморщилась, будто ей в чай положили целый лимон. Вот ещё! Не собирается она выходить замуж, ни за какие коврижки!

— Будешь строить гримасы — морщины появятся! — произнесла матушка, от которой ничего, кажется, не ускользало. — Если уже допила, не задерживайся тут! Иди к себе!

— Нет-нет, пусть она останется! — удержал альду Мортон её супруг и повернулся к дочери, у которой сердце замерло оттого, что отец наконец-то соизволил обратить на неё внимание. — Я решил. Я сам подыщу для тебя достойного мужа, однако имей в виду, что сначала ты научишься разбираться в том, благодаря чему наша семья уверенно держится на плаву и позволяет себе то, что, не заведи я своё дело с чаем, у нас никогда бы не появилось. Материальные блага, наш дом, уважение — пусть некоторые и считают, будто альдам зазорно работать за деньги. Понимаешь?

— Да! Но... Как же академия? — сорвалось с её губ робкое возражение.

— Поступишь ты в академию, — неохотно ответил Витториус Мортон, который до сих пор удивлялся тому, что дочь оказалась магичкой. Не в родителей, а в кого-то из дальних предков, как ему объяснили сведущие в магии люди. — Будем надеяться, что в будущем образование тебе поможет.

«Конечно поможет», — обрадованно подумала Летиция, но вслух ничего не сказала. Лишь присела в реверансе, поднявшись со стула, и покинула столовую. «Отец редко бывает дома, так что пусть уж побудут наедине», — решила девочка.

Её родители любили друг друга. Их свадьба не была договорной, и они — младший сын и бесприданница — очень подходили друг другу. Елена Мортон поддерживала супруга во всём, ни в чём не переча. Когда же выяснилось, что больше детей у неё не будет, она даже предложила мужу развод и новый брак с женщиной, которая смогла бы подарить ему сына, но тот решительно отказался. Летти однажды услышала, как об этом шептались слуги, после чего начала гордиться отцом ещё больше.

Внешне она походила на мать — высокие скулы, синие глаза, волнистые светлые волосы. Все прочили, что Летиция с возрастом станет настоящей красавицей. А она мечтала о том, чтобы учиться магии и превзойти в ней других обладательниц дара.

Так и случилось. И всё остальное, о чём говорилось в тот вечер за чаем, тоже.

Но затем жизнь свернула куда-то не туда.

Спустя десять лет Летиция Энн Мортон, стоя у могилы родителей, вспоминала день, когда услышала от отца о его намерении подыскать для неё жениха.

ЧАЙНАЯ МАГИЯ

Альд Мортон выполнил своё обещание. Он успел также внести изменения в документ о его последней воле, чтобы защитить интересы дочери в её будущем браке.

В браке, который не состоится.

— Сожалею, что вынужден потревожить вас в такой момент, — проговорил незнакомый мужчина, отвесив девушке вежливый поклон. — Ваш жених, альд Финнеас Броктонвуд, найден мёртвым. Должен вам сообщить, вы — одна из подозреваемых, альда Мортон.

Глава 1

Летиция, медля с ответом, смотрела на незнакомца. Она не без удивления отметила, что он молод, гораздо моложе того сотрудника Службы Правопорядка, который когда-то принёс ей весть о гибели родителей. Тот не скрывал выдающие возраст седину и залысины, с виду казался каким-то усталым, точно припорошенным пылью, и одевался с той небрежностью, которая выдавала человека, не приученного дотошно подходить к выбору собственного гардероба. Этот же молодой человек выглядел настоящим франтом. Его надраенные ботинки блестели, чёрный сюртук не оскверняла ни единая пылинка, а атласный шейный платок был завязан с такой элегантностью, словно его обладателю предстояло явиться на приём к королеве. Голову венчала модная шляпа в тон костюма. Картину довершали чисто выбритое лицо с тонкими правильными чертами и тёмно-русые волосы, чуть длиннее, чем обычно полагалось носить мужчинам.

И этот щёголь будет расследовать дело об убийстве?

Летти едва не произнесла эти слова вслух, но вовремя остановила себя и лишь сдержанно поздоровалась.

— Кажется, вы не представились, — заметила она.

— Прошу меня извинить. Моё имя Стефан Альберран, я работаю в Службе Правопорядка. Вашего жениха нашли мёртвым сегодня утром, и я уполномочен... Но, альда Мортон... Вы совершенно не выглядите шокированной моими словами.

— В аристократических кругах с детства приучают не показывать свои чувства, — холодно отозвалась Летти. Вдруг неприятно кольнуло что-то вроде угрызения совести. Теперь собеседник наверняка будет считать её бессердечной особой и напыщенной гордячкой, смотрящей на него сверху вниз. А ведь не будь у отца деловой жилки, и ей бы пришлось сейчас приживалкой ютиться в доме родственников, принявших её из милости. Одно название, что альда, ведь в мире всё решают в большей степени деньги, чем происхождение.

— Но вы, должно быть, опечалены? — продолжал расспрашивать её Альберран.

— Я не собираюсь падать в обморок, — заверила его Летиция.

— Тогда, думаю, нам лучше отправиться в другое место, более подходящее для беседы.

Летти бросила ещё один короткий взгляд на родительскую могилу, куда, по заведённой традиции, принесла свежие цветы, и кивнула. Похоже, так просто ей от этого господина не отделаться. Он действительно подозревал её в убийстве.

И наверняка не без оснований.

— Что ж, тогда приглашаю вас к себе, — сказала она, отряхивая перчатки. Они пропитались росой и едким цветочным соком, который оставил на тон-

кой ткани тёмные пятна. Матушка сейчас не преминула бы обвинить дочь в неаккуратности, в том, что она так и не научилась быть безупречной во всём.

По дороге к её экипажу и в карете они, будто по предварительной договорённости, молчали, в напряжённой тишине изучая друг друга, как противники перед схваткой. Летиция всё ещё недоумевала, почему на такое серьёзное дело отправили человека, который чересчур заботился о своём внешнем виде. Он ведь не аристократ, так к чему наряжаться? Ей представилось, как он в своих начищенных ботинках гонится за преступником по ночной улице, в одной руке сжимая пистолет, а другой придерживая шляпу. Презабавная, должно быть, картина.

— Вот и мой дом, — нарушила молчание Летти, когда карета остановилась.

Отец приобрёл особняк в пригороде, когда ещё мечтал о большой семье. Но не сложилось. Сначала там жили вдвоём, после втроём, а затем Летиция осталась одна. В детстве ей нравилось изучать все коридоры и помещения дома, бегать по ним вприпрыжку, кататься на перилах широких лестниц. Разумеется, когда ни матушка, ни гувернантка, госпожа Алиссон, за ней не наблюдали. Здесь легко было затеряться, вообразить себе, будто она исследует некое загадочное место, может быть, даже охотится на привидений или, подобно археологам и искателям приключений, впервые ступает во владения заброшенной цивилизации.

Что и говорить, фантазия у неё никогда не стояла на месте. Может, следовало бы написать книгу? Возможно, её бы даже удалось выпустить в свет — разумеется, под мужским псевдонимом.

Но, когда на ней оказалась вся чайная империя, Летти стало не до того, чтобы давать волю собственному богатому воображению.

— Здесь... красиво, — с запинкой произнёс её спутник, когда они вышли из кареты и направились к дому.

Летиция не могла не согласиться. Она хорошо представляла, какое впечатление производил особняк на тех, кто попадал сюда впервые. Все эти кованые решётки, балконы и каменные колонны, увитые алыми плетистыми розами, фонари, которые особенно загадочно смотрелись в вечернее время, придавая этому месту ещё более диковинный колорит.

— Я слышала, что прежний хозяин был тем ещё затейником, — проговорила Летти, когда господин Альберран вволю налюбовался открывавшимся перед ним зрелищем. — Он сам нарисовал проект, а работавший на него архитектор воплотил всё в точности. Но, к сожалению, все его средства оказались вложены в не слишком прибыльное дело, и ему пришлось продать особняк, даже почти и не пожив в нём.

— Вашему покойному отцу альду Витториусу Мортону?

— Да.

— А продажа чая — прибыльное дело?

— Как видите, господин Альберран, — ответила Летиция, и собеседник, оторвав взгляд от стен дома, совершенно беспардонным образом уставился на неё.

— Вижу, альда Мортон.

Летти вдруг стало не по себе. Ей нечасто приходилось оставаться наедине с мужчинами, особенно

с такими молодыми, как этот человек. Однако, напомнила она себе, его долг — защищать людей, а не нападать на них, так что рядом с ним можно чувствовать себя в безопасности.

Если бы только он не считал её возможной убийцей...

— Прошу вас, — вспомнив о своих обязанностях хозяйки, Летиция повела его к дому. Кивнула открывшей дверь горничной, с любопытством уставившейся на её спутника, и велела принести воды со льдом в гостиную.

— А я-то думал, что вы пьёте только чай, — с усмешкой заметил Стефан Альберран, когда они оказались в гостинной. Он с интересом осматривал обстановку, сохранившуюся почти в неизменном виде с той поры, когда были живы альд Мортон и его супруга. Собственно, во всех комнатах, кроме спальни Летти, со времён её детства не изменилось практически ничего.

— Для чая есть определённое время, и я привыкла его не нарушать.

— До чего же вы всё-таки подчинены традициям! — воскликнул вдруг мужчина.

— Кто мы? — нахмурилась Летиция.

— Альды. Аристократы. Кто вам мешает попить чай не в установленное для чаепития время, а тогда, когда захочется?

Летти вспомнилось, как она сама однажды задавала матушке точно такой же вопрос. Давно, слишком давно. С тех пор та угловатая любопытная и порывистая девочка успела вырасти, обзавестись женственными формами и отточить навык не демон-

стрировать своих чувств ни при близких людях, ни при посторонних.

Горничная принесла два стакана воды со льдом и с поклоном удалилась.

— Вернёмся к теме нашей беседы, — произнёс господин Альберран, превращаясь в истинного представителя Службы Правопорядка. Во взгляде его зеленовато-карих глаз появилась цепкость, а интонации стали холодными, точно стальными. — По правде говоря, меня весьма удивляет ваше спокойствие, альда Мортон. Человек, с которым вас связывала официальная помолвка, мёртв, убит, а вы ведёте себя как ни в чём не бывало. Необыкновенное хладнокровие!

— Я уже говорила, что не в моих правилах падать в обморок, — проговорила в ответ Летиция. Промелькнула мысль, а не следовало ли ей хоть немного притвориться впечатлительной барышней? Изобразить головокружение после услышанной новости, извлечь из висящего на поясе тёмно-серого платья шатлена¹ флакончик нюхательной соли. Вот только у неё никогда в жизни не кружилась голова, так что спектакль мог выглядеть полной фальшивкой, да и привычки держать при себе нюхательную соль она не имела. — К тому же... — Ступая на тонкий лёд, сделала глубокий вдох. — К тому же мы... Финнеас и я... не были близки. Решение о свадьбе приняли наши родители, когда он учился в университете, а я в академии, и мы к тому моменту даже не виделись ни разу.

¹ Шатлен — это крепившийся на талии медальон с множеством изящных цепочек, с которых свисали крошечные записные книжки, часы, кошельки, флаконы для духов, ключи и множество других нужных вещей. (Прим. авт.)